

ЦИКЛОН НАД ТРАНСКЕЕМ

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ БЕРИНГОВ

ПРОВОДЫ

Вылет задерживался. Уже ушли самолеты на север, в Могодишо и Каир, на юг, в Солсбери и Лусаку, на запад, в Киншасу и Браззавиль; но на восточный маршрут посадку не объявляли. Рейсовый самолет авиакомпании «Эр-Уганья», совершающий полеты по трассе Маврикий — Реюньон — Мадагаскар, застрял в Мажунге — на той стороне Мозамбикского пролива, в тысячах километров от взлетного поля аэродрома Ухурутауна. Над Мадагаскаром к Южной Африке неслись очередной летний циклон, вознивший где-то над Индийским океаном. Метеорологи уже нарекли его ласковым именем «Джекки».

И хотя до города было не больше часа езды, покидать аэропорт и возвращаться назад не хотелось. Сказывалась инерция авиапассажира; было трудно выключиться из настроя воздушного путешественника, который по прибытии на аэродром чувствует себя уже отрешенным от земных дел и живет ожиданием полета с его неперенным холодком тревоги, скрываемым иногда даже от самого себя; десятки и сотни раз летая на самолете, каждый раз все же испытываешь облегчение, когда металлическая громада тяжко коснется земли, уверенно раскатится по бетонной дорожке и наконец благополучно остановится и замрут ее моторы.

Аэропорт жил ожиданием в непривычной тишине. Не ревели двигатели «Комет» и «Боингов»; молчали репродукторы. Нкомо загнал свой «Додж» в тень платана и распахнул настежь дверцы; горячий влажный воздух стал лениво обвевать потные лица. Уже вечерело, но солнце еще палило немилосердно; где-то в горах за платановой аллеей прокатывал гром, над аэродромом же небо с утра было безоблачным.

— Так что тебе непонятно, старина? — переспросил Крим Саадалла и снова потер рукой звездчатый шрам на щеке. Он сидел, вытянув ноги, откинув голову на спинку сиденья и закрыв глаза. Ожидание располагало к неторопливой беседе.

— Кажется, мы все предусмотрели! — усмехнулся Нкомо. — Но не выдаст ли тебя при

встрече с Боргом твой немецкий язык? Кстати, каким образом ты его так здорового изучил?

— Это язык моего детства. Плантация, на которой батрачила наша семья, принадлежала богатому колонисту — немцу из Того, переехавшему в Магриб. Я играл с его детьми, а языки давались мне легко. Как-то я читал книгу об одном русском разведчике, которого долго не могли поймать. Это был блестящий парень. Его русскую фамилию трудно выговорить и запомнить. А немцы его звали Пауль Зиберт. Так вот он также в детстве выучил немецкий, потому что по соседству жили колонисты-немцы. Меня беспокоит другое. А вдруг Борг знает Раннига в лицо или по фотографии?

— Ну, вы с Раннигом немного похожи, — уверенно произнес Нкомо.

— Ну конечно! — рассмеялся Крим. — Я тоже светловолосый, рост примерно одинаковый. Вот и все. Но мы не близнецы!

Нкомо подошел к машине и скорее упал, чем сел на заднее сиденье. Жара усыпляла, лишила желания о чем-либо думать.

— Так, может быть, отложим все? Я позволю в Тананариве, предупрежу, чтобы там его брали сами. Ведь баллон с газом — достаточное доказательство!

— Баллон с газом сам по себе еще ничего не доказывает! — сдержанно возразил Крим. — Пауль Борг может отпереться и не выдаст своих хозяев. Он куда более опытный разведчик, чем этот проходимец Ранниг.

— Все они одинаковы!

— Не упрощай, старина! Обрати внимание — встреча Раннига с Боргом обставляется таким образом, что инициатива остается целиком за Раннигом! В данном случае срабатывает еще и типично немецкий характер, установленный шаблон. Раннигу доверяют, Боргу — не очень, Ранниг свой, а Борг — человек случайный. А посему и должен быть уничтожен по выполнению задания. В подобных случаях принимается всегда лишь однозначное решение. Кроме того, в Претории на всякий случай страхуются. А вдруг их участие выплывет наружу? На месте преступления тогда будет обнаружен труп западногерманского диверсанта, и правительство Форстера выйдет сухим из воды!

— Да, все сходится, — согласился Нкомо. — И все же я за тебя очень боюсь. Крайне рискованный ход!

— У нас же нет другого выхода! — сказал Крим. — В Тананариве у этих негодяев могут найтись покровители и на высоком уровне. Брать Борга нужно только нам. Да и времени нет. Сорвется сейчас — они пошлют другого исполнителя, могут выбрать другое место, о котором мы не будем знать. Давненько, со времен Освенцима еще, не планировалось более грязной затеи.

Внезапно оба вздрогнули. Сонную тишину аэропорта нарушил пронзительный женский голос:

— Господа пассажиры! Совершил посадку самолет Маврикий — Реюньон — Мадагаскар — Уганья! Таможня аэропорта Ухурутаун начинает оформление багажа пассажиров, отправляющихся с обратным рейсом в направлении на Мадагаскар, Реюньон и Маврикий. Повторяю...

— Ну что ж, старина! — сказал Крим и привстал. — Я, пожалуй, пойду. Счастливо!

Крим взял чемодан и зашагал к зданию аэровокзала. Он не любил ни долгих проводов, ни объятий при расставании. Работа есть работа.

ЦИКЛОН НАД ТРАНСКЕЕМ

Тананариве — город неповторимого очарования. Он раскинулся на высоких холмах, по крутым склонам которых среди зелени и цветов живописно лепятся друг над другом разноцветные дома под красными черепичными крышами. Узенькие улочки петляют, чтобы, спустившись к деловому центру с его зданиями банков, контор, магазинов, тут же снова начать карабкаться вверх.

Крим обратил внимание, что, когда улица одной своей стороной касалась обрыва, на его краю почти обязательно располагалась смотровая площадка с балюстрадой и скамейками под развесистым деревом, позволяя видеть необозримые горизонты, отороченные голубовато-лиловой цепью гор. За городом с каменных холмов веером спускаются террасы рисовых полей. Когда солнце бросает на них косой луч, залитые водой террасы блестят, словно осколки зеркала. Воздух здесь свеж, как ломтик апельсина.

Господствующую над столицей вершину венчает Рува — дворец последних малагасийских владык с четырьмя башнями по углам. Серое двухэтажное здание дворца с большими арками, узорчатыми окнами и остроконечным куполом царит над городом, и даже все современные многоэтажные здания гостиниц и доходных домов не заслоняют Руву.

За три дня ожидания (Борг не подавал пока признаков своего присутствия в Тананариве) Крим успел полюбить этот необычный для Африки город и его непохожих на африканцев, напоминающих скорее малайцев или индонезийцев, приветливых, смуглых жителей.

С утра Крим отправлялся на городской рынок Зуму, раскинувшийся на площади Аналакели в самом центре города, у подножия Рувского холма, треугольником каменных палаток и торговых рядов с двускатными крышами. Между ними разместились переносные лотки, защищенные от солнца и дождя огромными белыми зонтиками. На лотках и в палатках рассыпались груды риса, гороха, кукурузы, картофеля, мандаринов, бананов, перца, арахиса, таба-

ка, маниоки и других местных овощей и дикорастущих фруктов, цветов немыслимых оттенков, мяса, птицы, рыбы, креветок и раков вперемешку с мозаикой ремесленных изделий и деревянной скульптуры. Рынок шумел, как прибой, несколько стихая лишь ночью, когда приезжие торговцы укладывались на ночлег тут же на площади, чтобы рано поутру с первыми лучами солнца вновь начать молебны богу торговли.

После горячей духоты Ухурутауна горная прохлада Тананариве напоминала климат Южной Европы по весне; даже к полудню температура не поднималась выше двадцати пяти градусов, и Крим с аппетитом обедал, заказывая себе на второе большое блюдо длиннозернистого риса с мясом и овощами — национальное кушанье малагасийцев, напоминающее плов. За короткий срок Крим поправился и посвежел, как на курорте. Да и сам он впервые за долгое время чувствовал себя словно на отдыхе.

Победив, Крим поднимался к себе в номер, и круглолицый портень, улыбаясь радушно, приговаривая всякий раз по-французски: «Счастливого отдыха вам, месье!». Крим засыпал под веселый гомон Зумы и крики рикш; проснувшись, он выпивал чашечку местного горького кофе и снова бродил, как очарованный, по лестницам и крутым переулкам сказочного города, который так и хотелось приписать погибшей Атлантиде, хотя легендарная страна была поглощена пучиной, вне всякого сомнения, гораздо раньше, чем на Мадагаскар прибыли предки нынешних малагасийцев. Они переплыли Индийский океан тридцать пять веков назад. Какой рок гнал их на утлых лодках с балансирами через пучины вод без карт и компаса? Кто знает!

Ровно в десять вечера Крим заступал на вахту в баре «Гасикара», расположенном неподалеку от резиденции президента республики; в прошлом этот безвкусный дворец принадлежал премьер-министру Мадагаскарского государства Райнилайривуни, который посменно состоял в мужьях у всех трех последних малагасийских королей.

Бар «Гасикара», где Криму предстояло встретиться с Боргом, содержал немец из Мюнхена, посчитавший необходимым переменить климат сразу же после известия о поимке Эйхмана; малагасийское правительство не докучало ему, очарованное боннскими авансами. В Тананариве упрямый делец полностью воспроизвел мюнхенский «Колоссеум». Из вестибюля в святилище вела двойная, обитая красной кожей дверь, которая открывалась только после уплаты церберу пятидесяти франков. Столь высокая входная плата гарантировала заведение от нежелательной публики; предполагалось, что клиенты «Гасикары» могут быть только люди состоятельные, преимущественно европейцы.

За двойной дверью посетителя встречал полумрак тропической феерии. Огромный прямоугольный зал освещался сквозь прорези в темном синем потолке, выполненные в форме звезд. Вдоль стен и между столиками в кадках — всевозможные цветущие растения, даже орхидеи; на день их выставляли на солнце. Зал надвое делила паркетная дорожка для танцев, в конце которой, рядом с баром, на эстраде помещались оркестранты в национальных малагасийских одеяниях — широкополая соломенная шляпа и белая ламба через плечо в виде древнеримской тоги. Исполняли они, однако, в основ-

ном лишь немецкие шлягеры и американские шейки; в этом сезоне популярностью пользовалась и русская «Калинка».

Вся стена напротив входа изображала собою струящийся водопад, образованный мозаикой из самоцветных камней и крошечных разноцветных лампочек. Над каждым столиком — число их не превышало пяти десятков — висел фосфоресцирующий матовый шар с четко выписанным и заметным отъездом номером; столики 18 и 28 стояли почти рядом.

Особенность мюнхенского «Колоссеума» и его тананаривского двойника «Гасикара» состояла в наличии на каждом столике внутреннего телефона, что позволяло посетителям бара затевать невинную игру друг с другом в прятки; стоило лишь набрать соответствующий номер стола, чтобы получить возможность пригласить на танец или обменяться несколькими словами, не открывая своего инкогнито. Чуть слышные позвякивания телефонов то и дело раздавались тут и там, вплетаясь в перезвон бокалов, ножей и вилок и уханье саксофона. Приглашение к танцу считалось одинаково возможным как со стороны кавалера, так и дамы; скромники могли позволить себе любую смелость, а одинокие быстро находили подходящую пару.

За три вечера Крим свел знакомство с пятью дамами, которым давно перевалило за тридцать; но одиноких мужчин за столиками 18 и 28 не появлялось, хотя «Гасикара» никогда не пустовал. В Тананариве его популярность явно не уступала мюнхенской славе «Колоссеума» как идеального места для randevu бонвиванов, уголовников и шпионов.

Борг появился 22 января. Это число Крим считал для себя несчастливым; число тринадцать он, наоборот, любил. Борг был одет в белый костюм в едва заметную желтую полоску. Длинный пиджак, кремовый галстук-бабочка с белой искрой, платок-ассорти в кармашке пиджака и замшевые туфли придавали ему весьма элегантный вид. Но его морщинистое лицо с мешками под глазами и глубокими складками от носа к подбородку выглядело измученным. Борг сидел за столиком номер 18 и сильно сутулился; он положил на стол локти и, не глядя по сторонам, угрюмо прихлебывал коньяк. Телефон его часто звонил; Борг брал трубку, односложно отвечал и осторожно клал трубку на место, словно боясь расплющить аппарат тяжелой рукой.

«Серьезный господин!» — уважительно подумал Крим, прикинув на глаз фигуру противника: Борг явно был выше него сантиметров на десять, не говоря уже о превосходстве в весовой категории. Крим снял трубку и набрал на диске телефона единицу и восьмерку.

— Клаус Ранниг вас приветствует! — сказал он по-немецки.

— Да, — отозвался Борг. — Салют.

— У вас все в порядке, добрались благополучно?

— Да, нормально.

— Баллон?

— Со мной.

— Я сижу за столиком номер тринадцать. Сейчас отправлюсь в гостиницу. Вы выйдете раньше меня. Проверьте, нет ли за мной хвоста. Встречаемся завтра в 21 час в Тулеаре около билетных касс. Не забудьте баллон. И оденьтесь попроще, в море выйдем немедленно.

— Яволь! — без воодушевления ответил Борг. Спросил, сколько часов лету до Тулеара.

— Ровно восемь. Это городишко на юго-западе Мадагаскара, — объяснил Крим. — Реактивные туда не летают, только «Дугласы». Мал аэродром. Вылет с аэродрома Аривунимаму в 12.10. Я вылету рейсом раньше. Учтите, в море болтаться нам трое суток — захватите все необходимое, кроме провианта, конечно, это уж моя забота. Еще какие вопросы есть?

— Все ясно, — сказал Борг. — Благодарю.

И, бросив на стол ассигнацию, он направился к выходу, даже не взглянув в сторону Крима. Высокий, чуть сутулый, элегантный, мрачный; у переносицы задумчиво сдвинулись морщины.

Таким он встретил Крима и в Тулеаре; только вместо дорогого костюма на нем был черный свитер и белые джинсы. За спиной Борг держал объемистую спортивную сумку, а в правой руке нес спиннинг. Типичный рыболов-спортсмен, решивший провести свой отпуск в малагасийском захолустье.

Поздоровавшись без рукопожатия, они спустились по рю Либерте мимо мясоконсервного завода к причалу, у которого толпились несколько десятков одномачтовых суденышек. На некоторых из них каюты были освещены, рыбаки готовились к ночному лову.

— В пути ничего подозрительного не заметили? — спросил Крим, направляясь к одному из парусников.

— Нет, — ответил Борг. — Кому мы нужны?

— Так и должно быть! Это просто замечательно, если боец подпольного фронта на вражеской территории чувствует, что он никому не нужен! — напыщенно произнес Крим. — Внимание противника — для нас слишком большая роскошь. Вы не находите, герр Борг?

— Да, конечно, — вяло согласился Пауль и, споткнувшись, выругался.

— На левую ногу? — спросил Крим.

— Да, на левую.

— Это к счастью. Хорошая примета, — заметил Крим.

Борг ничего не ответил.

Уже совсем стемнело, вода у причала матово фосфоресцировала. На набережной свежий ветер раскачивал фонари. Справа ярким пятном светился городской парк, оттуда доносилась томная музыка.

— Вот и наша «Саламандра»! — бодро сказал Крим и окликнул: — Ракуту! Не спишь?

— Нет, месье! — отозвался голос из каюты, и на палубе появился щуплый малагасец в шортах и брезентовой куртке. В темноте его смуглое лицо было почти неразличимо. — Все в порядке, месье!

— Известный в местных краях контрабандист! — предупредил Крим по-немецки.

Борг толкнул ногой деревянный борт судна.

— И на этой скорлупке вы намерены пересечь Мозамбикский пролив? — насмешливо спросил он Крима. — Это самоубийство! Неужели вы всерьез полагаете...

— Я не полагаю, а отдаю приказание! — сухо перебил Крим. — Местные рыбаки покрывают на таких судах по три тысячи миль. «Саламандра» может делать по двадцать узлов и почти непотопляема. К тому же до Транскея нас подвезет попутное Мозамбикское течение. Все будет о'кэй!

— А на обратном пути?

Крим промолчал. Обратный путь его не интересовал: на тридцатом градусе южной широты, в пятистах милях от побережья Транскея, их поджидал специальный военный катер из Уганьи. Условная радиогамма была отправлена из Тананариве прошлой ночью.

Пауль осторожно поставил на палубу судна свою сумку, швырнул на корму спиннинг и огляделся. Парусник был снабжен мощным двигателем «Ситроен», который вдруг зафыркал, заревел и быстро вытолкнул «Саламандру» на пустынный рейд. Ракуту стоял у штурвала.

— Располагайтесь! — предложил Крим, проходя в каюту. — Утром ваша смена, держать по курсу — искусство нехитрое. А пока можно и отдохнуть. Есть будете?

— Нет, — ответил Борг, садясь на койку. — Я буду спать. Очень устал.

— Ну и отлично! — обрадовался Крим.

Ему не хотелось разговаривать с немцем. Еще будет допрос на катере. Крим вышел на палубу и присел рядом со штурвальным на свернутые сети. Парусник подсакивал и заваливался на волнах; они обогнули мол и вышли уже в открытый океан. Тулеар мерцал позади блеклым пятном.

— Боюсь, как бы не накрыл нас циклон, месье! — сказал Ракуту. — Старики не советовали уходить далеко.

— Риск — благородное дело, дружище! —

возразил Крим и протянул малагасийцу сигарету. — Ты же опытный моряк! Давай-ка я пока постою за штурвалом, а ты поспи.

— Ничего! — ответил Ракуту. — Я привык. Ложитесь лучше отдыхать, месье. Завтра нам нелегкий денек предстоит! Звезд совсем не видеть.

Немец уже спал, голова его моталась на койке из стороны в сторону. Сумку он положил вместе с собой, прижав ее телом к стенке каюты. Крим вытащил из кармана маленькую стеклянную трубочку со старинным африканским снотворным средством — наследием колдунов и знахарей Уганьи. Трубочка была заботливо передана Криму Нкомо перед отлетом. Фармакологи Запада давно убедились в мощи этого снадобья. Два-три вдоха — и человек засыпал на двое суток. Разбудить его до срока было невозможно. Но средство было необычайно трудно достать — колдуны ревниво берегли секрет.

Борг вдохнул раз, другой, третий... Лицо его чуть побледнело. Теперь он проснется только на борту катера для обстоятельной беседы с Нкомо и его сотрудниками.

Медленно текло время.

Над Транскеем шел циклон, левый край его зацепил южную часть Мозамбикского пролива. Но в том направлении, куда двигалась «Саламандра», тучи редели, и начинали поблескивать большие южные звезды.

Папирусная лодка «Ра-2», успешно завершившая в июле 1970 года переход через Атлантику.

Фото ТАСС

